

МОНЕТЫ И МОНЕТНЫЕ КЛАДЫ ПОДОНЬЯ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

В. В. Белоусов, А. Ю. Остроухов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 апреля 2014 г.

Аннотация: приведена краткая сводка монет и монетных кладов римского времени, найденных на территории Подонья. Исследование показало, что основная масса находок монет и кладов сосредоточена на территории Верхнего Дона. Исходя из этих данных, а также в результате сравнения имеющихся материалов с аналогичными древностями смежных территории авторы приходят к выводу, что распространение монет и кладов римского времени на территории Верхнего Дона, скорее всего, связано с проникновением на эту территорию представителей черняховской культуры.

Ключевые слова: монеты, клады, денарий, римское время, черняховская культура, Подонье.

Abstract: the article provides a brief summary of coins and coin hoards of the Roman period found in the territory of the Don basin region. The study showed that the majority of coins and hoards concentrated on the Upper Don. Based on these data, and the comparison of existing materials with similar antiquities abutting the authors comes to the conclusion that the distribution of coins and hoards of the Roman period on the territory of the Upper Don, most likely, is connected with pronicheva of this territory representatives Chernyachov culture.

Key words: coins, treasures, denarius, Roman times, Chernyachov culture, Don basin region.

Монеты – оригинальный и важный исторический источник. Отражение целого круга идей и понятий в изображениях и надписях, имена и даты, встречающиеся на монетах, их художественные и эпиграфические данные и многое другое – все это делает монеты очень благодарным материалом для разностороннего изучения экономической и политической истории народов, их материальной и духовной культуры.

Римские монеты и клады в ряду источников по истории Восточной Европы первой половины I тыс. н.э. занимают значительное место, в частности, при изучении истории черняховской культуры. Для примера анализ состава кладов, найденных на территории расселения черняховцев, позволил значительно сдвинуть дату начала формирования культуры.

Для рассматриваемого региона авторам удалось собрать сводку, в состав которой входит 21 пункт, маркирующие находки римских монет и кладов в Подонье (рис. 1). В четырех случаях были зафиксированы клады, состоящие из серебряных денариев I–III вв. н.э. В остальных 17 случаях были найдены от 1 до 4 денариев разного времени – от рубежа эр до конца IV в. н.э. При составлении сводки был использован широкий круг источников, от академических до интернет ресурсов.

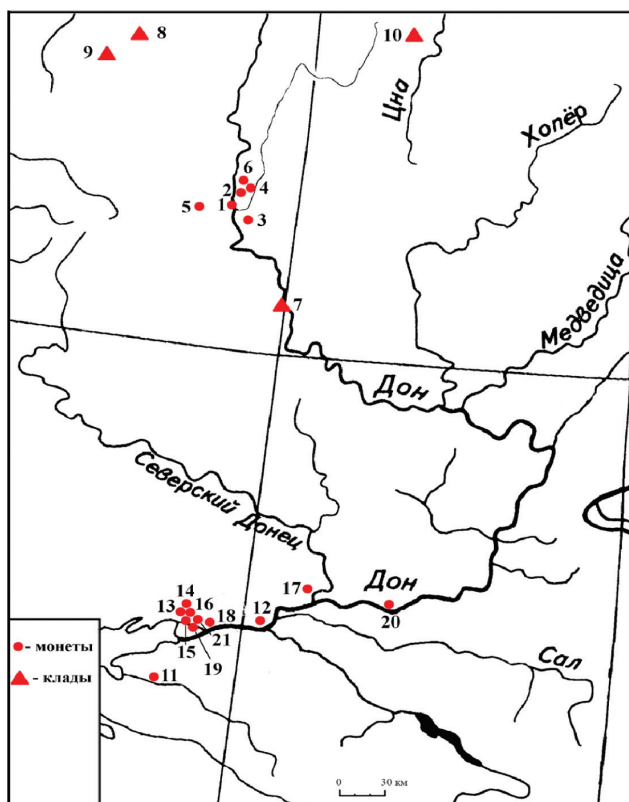
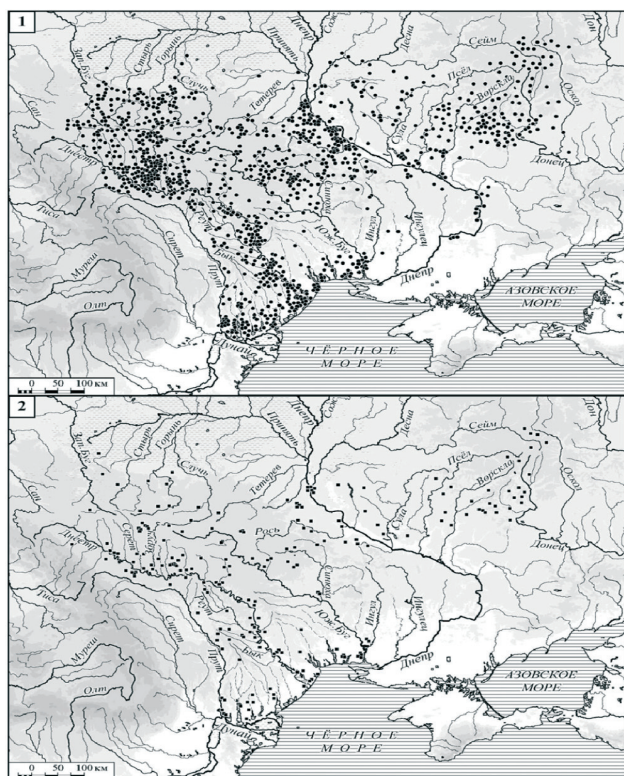

Рис. 1. Распространение кладов римских монет и отдельные монетные находки на территории Подонья

б

Рис. 2. Распределение находок монет I–II вв. н.э. (1) и III в. н.э. (2) на территории черняховской культуры [9]

Воронежская область

1. Село Шилово Воронежского уезда. В 1904 г. Денарий Траяна 103 г. [1, с. 41, № 45].
2. Город Воронеж в 1914 г. Серебряная монета Траяна 98–117 гг. Хранится в собрании С. Н. Замятина, известно из сообщения С. Н. Замятина в 1957 г. [там же, с. 41, № 41].
3. Село Рахманино в 1937 г. Денарий Антонина Пия 140–144 гг. [2, с. 265, рис. 1, 8; 1, с. 41, № 44].
4. Город Воронеж, до 1914 г. Серебряный денарий Антонина Пия. Хранится в собрании С. Н. Замятина, известно из сообщения С. Н. Замятина в 1957 г. [1, с. 41, № 42].
5. Село Девица Семилукского района. Денарий Антонина Пия, плохой сохранности [там же, с. 41, № 43].
6. Город Воронеж при реконструкции набережной дороги было найдено два серебряных денария Антонина Пия [там же, с. 41].
7. Осень 2010 г., надпойменная терраса правого берега Дона, село Верхней Карабут Подгоренского района Воронежской области. Клад римских денариев I–III вв. н.э. В монетную группу клада вошли императоры и императрицы Рима: Траяна (98–117 гг. н.э.), Андрияна (117–138 гг. н.э.), Фаустины (138–141 гг. н.э.), Марка Аврелия (168–169 гг. н.э.),

Коммода (180–185 гг. н.э.), Септимия Севера (193–211 гг. н.э.), Александра Севера (222–235 гг. н.э.), Луциллы (164–169 гг. н.э.) [3, с. 239].

Дата чеканки младших монет в наборе – 193–211 гг. (серебряный денарий Септимия Севера) и 222–235 гг. н.э. (серебряный денарий Александра Севера). Исходя из анализа имеющегося изображения, идентифицированная монета Септимия Севера носит следы сильной изношенности, что говорит о длительном хождении монеты. Следовательно, можно констатировать, что предположительное время создания клада и его археологизации – середина – вторая половина III в. н.э. Некоторую ясность в датировку клада могли бы внести находки керамики, которые ему сопутствовали, и о которых сообщает автор публикации [там же, с. 239]. Однако ни описания, ни фотографий в работе автора нет.

Липецкая область

8. Елец, Елецкий район, конец XVIII в. Клад римских денариев, из которого было определено 40 экз.: Траян – 4; Адриан – 2; Сабина – 1; Антонин Пий – 7; Фаустина Старшая – 4; Антонин Пий и Марк Аврелий – 2; Марк Аврелий – 2; Фаустина Младшая – 5; Коммод – 4 (общий разброс по датам: 98–192 гг.). Хранится в собрании Г. В. Новицкого (Москва), известно из сообщения майора Г. В. Новицкого в мае 1959 г. [1, с. 42].

Учитывая, что младшая монета в наборе имеет годы чеканки 180–192 (серебряный денарий императора Коммода), мы можем говорить о том, что клад был зарыт примерно в первой половине III в. н.э., а учитывая, что в варварских комплексах дата чеканки младшей монеты может отставать от времени ее археологизации до 60 лет, можно датировать клад второй четвертью – серединой III в. н.э.

9. В 1984 г. на южной окраине села Казаки Елецкого района Липецкой области местными жителями Д. И. и В. Д. Кабановыми при рытье траншеи для водопровода перед домом был найден клад римских серебряных монет. Большинство монет, за исключением 15–20 экз., переданы в Елецкий краеведческий музей (126 шт.) [4, с. 166]. Среди монет лишь пять экземпляров относятся к I в. н.э., остальные – ко II в. Самая ранняя в кладе монета Веспасиана датируется 69–70 гг., самая поздняя Юлии Домны – 198–209 гг. или скорее 196–211 гг. Судя по стертости, денарии последних выпусков какое-то время были в обращении, поэтому сокрытие клада не могло произойти ранее начала III в. н.э., а скорее около середины III в. н.э.

Тамбовская область

10. 18 денариев были обнаружены в окрестностях села Ракша Тамбовской области в середине июля 2012 г. Дату археологизации комплекса, исходя из аналогии с другими кладами и учитывая младшую

монету, дата чеканки которой определена 192 г. (серебряный денарий Коммода), можно определить второй четвертью—серединой III в. н.э. [5].

Ростовская область

11. Елизаветовская станица, Азовский район, до 1893 г. 4 серебряные римские монеты I в. до н.э. – I в. н.э. (Кропоткин, 1961, с. 46, № 185).

12. Есауловка, 1823 г. Бронзовая монета средней величины Отацилии Северы (жены Филиппа Араба) [1, с. 46, № 186].

13. Недвиговка, Мясниковский район, 1853 г. Недвиговское городище. Найдены две римские монеты: а) медная монета Траяна, на обороте буквы: SC; б) монета Валента [1, с. 46, № 187].

14. Недвиговка, Мясниковский район, 1955 г. Две римские монеты: а) бронзовая монета Фаустины Младшей (Раскоп II, кв. VI. Штык 13); б) бронзовая монета Флациллы (жены Феодосия I) (Раскоп II, штык 16 (помещение Б), чеканена между 25 августа 383 г. и 28 августа 388 г. [там же, с. 46, № 188].

15. Недвиговка, Мясниковский район, 1956 г. При раскопках Донской экспедиции ИИМК в Танаисе в погребении № 59/79 найдена золотая субэвратная монета Августа (2 г. до н.э. – 11 г. н.э.) [там же, с. 46, № 189].

16. Недвиговка, Мясниковский район, 1957 г. На городище случайно найдена бронзовая монета Феодосия I, чеканенная в Кизике или Никомедии между 19 января 379 г. и 25 августа 388 г. [там же, с. 46, № 190].

17. Нижне-Кундрюченская станица, Раздорский район, до 1905 г. На песках между станицами Нижне-Кундрюченской и Усть-Быстрианской найдены римские и золотоордынские монеты, серебряные и медные [там же, с. 46, № 191].

18. Ростов-на-Дону, до 1917 г. На территории Темерницкого городища найдена золотая монета Клавдия I, на обороте надпись: AGRIPPINA [1, с. 46, № 192].

19. Хапры, Мясниковский район, 1941–1945 гг. На Хапровском городище найдена золотая монета Августа (?), известно из сообщения С. М. Маркова в 1955 г. [там же, с. 46, № 193].

20. Цимлянская, Цимлянский район. В Саркеле были найдены: хальк г. Амиса, 121–63 гг. до н.э., римская провинциальная монета Константина I, чеканенная в Антиохии в 330–337 гг. н.э. [там же, с. 46, № 194].

21. Недвиговка, Мясниковский район, 1980 г. В ходе раскопок Танаиса была найдена римская монета Антонина Пия, чеканенная в 138–161 гг. н.э. (Раскоп VI, помещение ВШ, штык 18) [6, № 125].

Как видим, материал не очень богат. Как следует из нашей сводки, на Верхнем Дону зафиксировано всего 10 пунктов, на Среднем Дону их нет вовсе, на

Нижнем Дону 11 пунктов, причем нет ни одного случая, когда был бы обнаружен клад. Все находки представлены только единичными монетами. Тем не менее даже анализ столь скудных материалов дает возможность прийти к определенным выводам касательно уровня торгово-экономических взаимоотношений в среде местного населения и не только.

Обратимся к топографической карте, на которую были нанесены все наши находки. Как мы можем увидеть, фиксируется два основных района распространения римских монет – это Верхнее (где обнаружена основная часть кладов) и Нижнее Подонье (рис. 1).

В первую очередь следует сказать о нижнедонских находках. Их атрибуция не вызывает особых проблем. Отметим, что основная их масса концентрируется либо на поселениях местного оседлого населения, судя по всему меотского, в пределах Донской излучины, либо в Танаисе и его округе, т.е. наши находки здесь фиксируют существование развитой торговли, в которое было вовлечено местное население. Это совершенно понятно, ведь местное население, попав под влияние греческих городов Причерноморья, довольно активно включилось в торговые взаимоотношения. Однако следует отметить, что главную роль здесь играет местная монета, чеканенная, например, на Боспоре или различных самостоятельных городах (Херсонес, Ольвия и пр.) [6, с. 50–53]. Тот факт, что римские монеты на Нижнем Дону встречаются крайне редко и в единичных экземплярах, говорит о том, что данный вид валюты являлся скорее экзотикой и не играл практически никакой роли в товарно-денежном обороте.

Что касается находок на территории Верхнего Дона, то здесь есть несколько моментов, требующих тщательного анализа.

В первую очередь очень сложно судить о степени вовлеченности местного населения в товарно-денежные отношения. Единичные находки римских монет сами по себе не могут свидетельствовать о развитии денежной торговли на рассматриваемой территории, поскольку источником их поступления к владельцу могли быть самые разные события, зачастую не связанные с торговлей (подарок в качестве памятного знака, украшения и пр.). Другое дело клады. В нашем случае их состав достаточно многочислен для того, чтобы расценивать помещенные в них монеты как платежные средства. В какой-то мере, в пользу этого говорит потертость многих монет, ведь это значит, что они долго находились в обороте. Наконец, нет ни одного случая приспособления денег из кладов в качестве украшений. Однако все это означает лишь, что рассматриваемые нами клады могли, с большой долей вероятности, иметь значение для владельца как платежное средство. Однако это не дает ответа на

вопрос о том, кому принадлежали вышеозначенные клады.

Прежде всего, нет никаких данных, позволяющих связать находки с какими-либо поселениями местного населения. Во всех трех случаях, когда известно точное место находки кладов, было зафиксировано отсутствие следов культурного слоя [3, с. 167; 4, с. 37; 5]. Автор публикации Тамбовского клада отмечал лишь, что в 20 км от места обнаружения комплекса находится Давыдовское городище, с которым он гипотетически и связал данный клад. Однако нам кажется это маловероятным – странно, что владелец поместил свое сокровище столь далеко от места постоянного проживания [5].

Но, как известно, в первые вв. н.э. в нашем регионе господствующее положение занимали сарматы, которые, прибыв сюда, вступили в активные взаимоотношения с местным автохтонным населением, носившие во II – первой половине III в. н.э. характер межэтнической интеграции [7, с. 43]. Однако сарматские племена, как представители мира кочевого скотоводства, во многом были чужды идее товарно-денежных отношений. В свою очередь, уровень развития местных племен, как свидетельствуют находки на городищах и поселения, был таков, что также исключал возможность развития меновой торговли, где ведущую роль играли металлические монеты. Конечно, было подобие торговых отношений с греческими городами Причерноморья (о чем свидетельствуют находки в погребениях предметов античного импорта), но были они спорадическими и носили, судя по всему, характер обмена товара на товар. Причем это касается именно сарматской верхушки, а если говорить о рядовом зависимом населении, каковым и являлись местные племена, то здесь стоит говорить скорее о натуральном хозяйстве, в наименьшей степени приспособленном для товарно-денежных отношений.

В этой ситуации мы можем с некоторой долей уверенности утверждать, во-первых, что зарытие кладов, скорее всего, связано не с местным населением и, во-вторых, что наличие кладов не говорит о наличии в регионе сколь-нибудь развитой денежной торговли.

И тут встает вопрос об источнике поступления римских монет на территорию Верхнего Подонья. Как мы выяснили, происхождение кладов связано с каким-то внешним импульсом, а не с хозяйственно-экономической деятельностью местного населения. Здесь следует более подробно рассмотреть этническую ситуацию.

Как мы уже говорили, долгое время в рассматриваемом регионе господствующее положение занимали сарматы, хоть и сильно интегрировавшиеся с местным автохтонным населением. В этом отноше-

нии наш район являлся значимой частью сармато-аланского мира первых вв. н.э. (об этом достаточно красноречиво свидетельствует открытое в 2005 г. под Липецком погребение знатной сарматки рубежа I–II в. н.э., которое можно отнести к группе захоронений высшей сарматской знати типа Кобяково 10 и Дачи на Нижнем Дону [7, с. 41], занимавшего значительную часть Причерноморских степей и все Подонье). В связи с этим закономерным является следующий вывод: именно с сарматским влиянием должно быть связано появление у нас римских монет. Однако целый ряд моментов указывает, что этот вывод не совсем верен.

Прежде всего, как показывают исследования, степень вовлеченности многочисленных сарматских племен в товарно-денежные отношения была крайне мала. Сарматам, как представителям мира кочевого скотоводства, была во многом чужда философия денежного обращения и использования металлической монеты в качестве платежного средства. Это очень хорошо продемонстрировал на примере Нижнедонских памятников сарматского времени С. И. Безуглов [8]. В своей статье автор отметил, что из многих сотен сарматских погребений, исследованных ныне в пределах нижнедонского бассейна, ему известно лишь два комплекса, содержащих античные монеты. В частности, в 1996 г. Е. И. Беспалым была исследована группа курганов, расположенная на юго-западной окраине с. Чалтырь, где в кургане № 13 среди прочего инвентаря были обнаружены три монеты: 1 обол Понтийского царства 105–90 гг. до н.э. и два обобла Боспора 95/96–66/65 гг. и 49/48–45/44 гг. Второе погребение было исследовано в 1971 г., в кургане № 26 курганного могильника Алитуб на донском левобережье было найдено также три бронзовые боспорские монеты, позднее отнесенные к рубежу эр [8, с. 15]. Как отметил автор статьи, «люди, оставившие шаумяновский и алитубский погребальные комплексы, имели смутное представление о денежных функциях находившихся в их распоряжении монет. В руках кочевых варваров миниатюрные кружочки малоценного металла, снабженные изображениями, очевидно, обретали статус фетишей – вместе с другими затейливыми безделушками, которыми так обильны богатые сарматские погребения» [8, с. 16].

Следует также обратить внимание на то, что все клады, имеющиеся в нашем распоряжении, состоят только из римских монет без примеси каких-либо иных чеканов. В связи с этим фактом актуальным становится проблема контактов сарматов с Римом. Как нам известно, обитая в Причерноморских степях, они непосредственно взаимодействовали с античным миром в лице греческих городов и государств. Контакты же с Римом если и происходили, то опосредованно через те же города. В этой ситуации логичным

видится распространение в кочевой среде, буде оно присутствует, именно местной монеты, чеканенной Боспором или разными причерноморскими городами (Фанагория, Ольвия и пр.). Это подтверждается, опять же, исследованием кочевнических погребений Нижнего Дона. Как мы помним, из многих сотен погребений лишь два содержали монеты, и, что показательно, в обоих случаях это были не римские монеты, а металл, чеканенный на Боспоре и Пантикапее [8, с. 18].

Наконец, следует учитывать еще один момент. Если допустить распространение монет в Подонье именно через сарматов, то странно выглядит тот факт, что основная масса находок наших монет и монетных кладов концентрируется именно у нас, при полном их отсутствии на Среднем Дону. При этом в Нижнем Подонье находки кладов неизвестны, и монеты представлены лишь единичными находками от 1 до 4 штук [1, с. 46, № 185–194; 6, с. 53]. А ведь именно Нижний Дон является той контактной зоной, из которой римские деньги могли попасть в руки сарматов, и логично было бы предположить обратную ситуацию в картине их распространения. Наличие кладов или монет на указанных территориях могло бы маркировать пункты их распространения вплоть до верховьев реки. Поэтому их отсутствие является еще одним косвенным подтверждением того, что был какой-то иной путь.

Таким образом, очевидно, что должен быть какой-то иной путь проникновения римской валюты на Верхний Дон. В этой связи хотелось бы обратить внимание на культуру, с именем которой в первую очередь связывают распространение римских денариев и драхм в Восточной Европе, а именно черняховскую.

Современные исследователи достаточно уверенно говорят о том, что ареал распространения основных находок кладов и монет римского времени совпадает с территорией распространения в Поднепровье и Поднестровье так называемой черняховской культуры [9, с. 2]. Здесь проникновение римских денариев I–II вв. н.э., которые составляют также основу и наших кладов, связывают с переселенцами из Центральной Европы – носителями вельбарской и пшеворской культур, считающихся «подосновой» черняховской. Именно они принесли с собой основную массу монет, которые впоследствии выпали в виде кладов в начале – середине III в. н.э. [там же, с. 7]. На сегодняшний день границы распространения черняховцев на востоке очерчиваются по верховьям Донца, куда входят некоторые районы нынешней Белгородской области и Курское Полесье (рис. 2).

Прежде всего, заметно сходство состава наших кладов с теми, что распространены в черняховской среде: и в тех и других представлены монеты I–II вв.

н.э. с редкими вкраплениями монет III в. н.э. В трех наших случаях из четырех младшие монеты датируются в пределах 192–196 гг. Можно предположить, что наши клады являются комплексами одного порядка, аналогичными черняховским.

В целом есть ряд моментов, говорящих в пользу данного утверждения. Прежде всего, это само место находок. Все они концентрируются в тех районах, которые наиболее близко находятся к Подонцовью, где сейчас фиксируют крайнюю восточную точку распространения черняховских древностей. Такая картина дает, на наш взгляд, достаточно непротиворечивую картину распространения римских монет и кладов именно через указанный район на территорию Верхнего Подонья. А если учитывать отмеченное выше отсутствие на Среднем Дону монет и кладов интересующего нас времени, могущих маркировать их распространение альтернативным путем, версия о черняховском происхождении наших находок получает дополнительную поддержку.

Кроме этого, следует обратить внимание на дату возможной археологизации наших кладов – начало-середина III в. н.э. Если обратиться к этнокультурной ситуации в это время в Подонье, можно говорить об условиях, благоприятствующих распространению западного влияния на Верхнем Дону. Как отмечал в своем исследовании А. П. Медведев, палеоклиматические исследования погребенных почв показали, что во II в. н.э. здесь происходят природно-климатические изменения, связанные с окончанием относительно сухого и жаркого периода и началом более прохладного и влажного периода. Со временем это вызвало наступление лесов на остепненные ландшафты, особенно в подзоне северной лесостепи [10, с. 234]. Все это привело к нарушению привычной экологической обстановки и сложившегося хозяйственно-культурного типа верхнедонских племен и сопровождалось сокращением населения на территории Верхнего Дона. Таким образом, с середины III в. н.э. резко поменялся основной вектор этногенетических процессов в Подонье [7, с. 45].

Не с этими ли событиями было связано появление кладов римских монет на Верхнем Дону в середине III в. н.э.? Не может ли быть так, что ослабление сарматского присутствия в регионе не осталось незамеченным и спровоцировало проникновение сюда носителей той культуры, которые и оставили наши клады?

Таким образом, все вышенаписанное дает возможность, как нам кажется, с некоторой долей гипотетичности связывать наши клады с проникновением в Верхнее Подонье западных культурных традиций, которые можно атрибутировать с черняховской культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крopotкин В. В. Клады византийских монет на территории СССР / В. В. Крopotкин // САИ Е4-4. – М., 1962. – 93 с.
2. Голенко К. В. Находки римских денариев в Курской и Воронежской областях / К. В. Голенко // СА. – 1959. – № 1. – С. 265–267
3. Скок Н. Н. Находки римских монет и денежное обращение на территории Среднего Подонья в I–III вв. н.э. / Н. Н. Скок // Восточноевропейские древности скифской эпохи : Вестник Острогжского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского. – Воронеж, 2011. – С. 236–245.
4. Разуваев Ю. Д. Клад римских денариев из с. Казаки Липецкой области / Ю. Д. Разуваев // РА. – 2002. – № 2. – С. 165–171.
5. Режим доступа: <http://dobroslav13.livejournal.com/321422.html>
6. Шелов Д. Б. Находки монет в Танаисе в 1973–1980 гг. / Д. Б. Шелов, А. И. Анисимов // Нумизматика и эпиграфика. – 1984. – Вып. 14. – С. 50–60.
7. Медведев А. П. Этнокультурные процессы на Верхнем Дону в сарматское время (II в. до н. э. – III в. н. э.) / А. П. Медведев // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2006. – № 1. – С. 33–45.
8. Безуглов С. И. Находки античных монет в погребениях кочевников на Нижнем Дону / С. И. Безуглов // ДА. – 2001. – № 1–2. – С. 57–61.
9. Мызгин К. В. Римские монеты в ареале черняховской культуры : проблема источников поступления / К. В. Мызгин // SP. – 2013. – № 4. – С. 1–16.
10. Медведев А. П. Природно-климатические ритмы и направления миграций населения в лесостепное Подонье в раннем железном веке / А. П. Медведев // Исторические записки. – Вып. 5. – Воронеж, 2000. – С. 223–237.

Воронежский государственный университет

Белоусов В. В., преподаватель кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: bvv8408@mail.ru
Тел.: 8 (437) 239-29-35

Остроухов А. Ю., магистрант кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: bvv8408@mail.ru
Тел.: 8 (437) 239-29-35

Voronezh State University

Belousov V. V., Lecturer of the Archaeology and Ancient History Department
E-mail: bvv8408@mail.ru
Тел.: 8 (437) 239-29-35

Ostrouchov A. Yu., Undergraduate of the Archaeology and Ancient History Department
E-mail: bvv8408@mail.ru
Тел.: 8 (437) 239-29-35